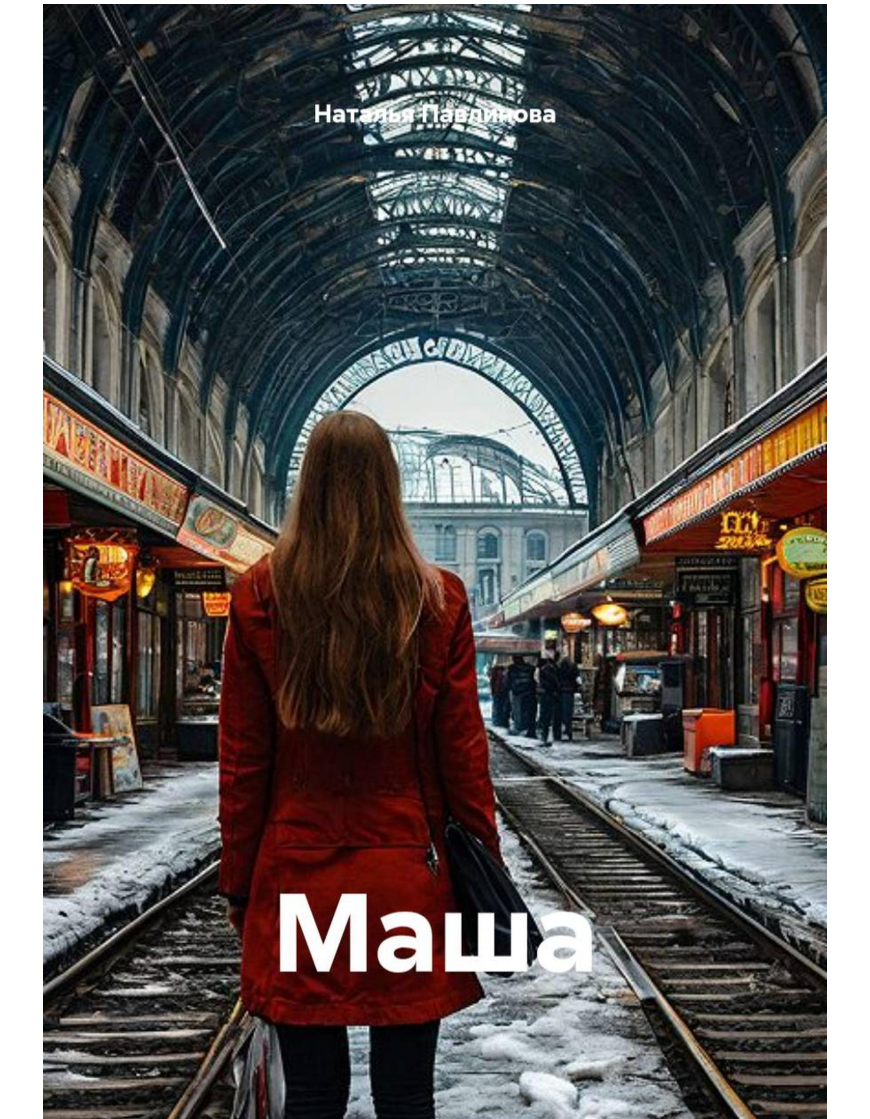

A woman with long brown hair, wearing a bright red coat and carrying a black bag, is seen from behind, walking away on a set of train tracks. The tracks are covered with patches of snow. The station is large and arched, with a complex glass and metal roof structure. On the sides, there are shops and stalls with various signs, including one that says "MAMA" in large letters. The scene is lit with a mix of natural light from the roof and warm artificial lights from the shops.

Наталья Павлинова

Маша

Наталья Павлинова

Маша

<https://litres.ru/74322799>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о 90-х, о сильном характере, о переломе времени, перестройке в стране. События происходят в городе Ярославле. Судьба девушки на фоне перемен в стране.

Наталья Павлинова

Маша

Часть 1

– Тихо-тихо, тихо-тихо... Не бойся, деточка, я чуток вот поглажу тебя и отпущу. Тихо, да тихо ты. Ай! – Маша вцепилась зубами в ухо Витьку.

Или как там его? Она научилась это делать уже давно. Пришлось. Она помчалась на свое любимое место – к озеру.

Лёнька, брат, знал, где ее искать, если дома пьянка. Больше – никто.

Она стояла, переводя дыхание, у высокой сейчас воды и смотрела на озеро. Мысли лезли в голову такие, что хотелось завывать. Исккупаться бы, но было ещё прохладно, шёл май.

Маша забралась на дно перевернутой лодки - казанки, убрала засохшие водоросли и уселась поудобнее. Сидеть придется до ночи, разве что Лёнька прибежит, расскажет что там.

– А ну-ка, поглядите на неё...Хороша! Скажи хороша? – вспомнились слова матери ещё днём.

Эх, знала б она, какие чувства вызовут её слова у хахаля!

Была мать выпивши, в гостях у неё – подруга с мужиком и его приятель. Оба приезжие. Работают тут неподалеку, а в магазине у матери отовариваются. Вот и перехлестнулись

там, второй месяц уже вместе пьянствуют.

Они "начали" ещё днем. А потом веселая компания уехала кататься на лодке. Привезли мать совсем пьяную. А сами продолжили разгул в доме.

Лёнька залез на чердак, а Маша управлялась ещё с хозяйством. Тут, около курей, её и прихватил этот мамкин хахаль – Витёк.

Маша красоткой себя не считала. Какая красotka? Нос в конопушках, ростом небольшая. Вот только волосы, разве... Густые, слегка выющиеся, темно-русые. На днях закончит она восьмилетку. На четверки, в основном.

Когда бабуля была жива, Маша училась отлично, а как её не стало, съехала. Тогда пришлось школу пропускать – Ленку мама никак не могла устроить в садик, сама работала. Вот Маше и приходилось с ним оставаться.

Маша мать любила, верила, что помогает, что трудности у матери. Но прошло время и пришло к Маше осознание, что мать её очень отличается от других матерей.

Трудности её были связаны с безответственностью, с пристрастием к спиртному и любви к разгулу.

Такой она была не постоянно, нет. Были дни, когда она могла считаться образцовой матерью. Хозяйство свое содержала в порядке, в магазине торговала споро и бойко много лет.

Да и у Маши порой появлялись вещи, каких и у одноклассников не было: дефицит у мамы был под рукой. Маша

чуть ли не первая в школу пришла в кроссовках.

Иногда на мать находило и она могла всю зарплату спустить на наряды себе и детям.

Была строга, а когда вдруг добрела, когда начинала проявлять излишние заботы, значит – жди...

– А ну-ка, Лёнька, давай дневник! Что там у тебя?

– А твои как дела, Машенька, может в кино сходишь, я денег дам...

А потом...

– Праздник нынче, Маша, такой! Такой праздник. У Федорыча дочь родилась! Не здесь, правда, в Сибири у него жена-то. Но у нас отметим, где ему ещё отметить? Негде ...

Маша привыкла – если дома гульба, они с Ленчиком сидят, как мыши, в своем углу или вообще на чердаке. Главное – чтоб не забыли накормить их.

А если забудут, надо самой что-нибудь стащить со стола для братика, да и для себя.

В последнее время эти гулянья стали еженедельными, о детях забывала мать в эти дни совсем.

Застолья разнились. Иногда Маша и впрок себе оставляла продуктов, когда гулянье завершалось. Сначала просто – для всех, перекладывала в холодильник. Но, со временем стала поступать хитрее. То, что было в холодильнике, съедалось опять же мамиными бесконечными друзьями, и Маша начала прятать некоторые продукты на чердаке.

Туда периодически без разрешения нырял вечно голод-

ный Ленчик, а Маша ругалась. Неэкономный он был. Но уж лучше пусть он ест, чем эти ...

Как правило, все гуляющие тут же у них и засыпали. Маша пыталась уложить брата до этого момента, иначе будет им спать негде.

Многие "дружбаны" матери оставались уже и после выходящих. Не спешили уходить.

В будние дни мать была, как мать. Торговала в магазине, суежилась по хозяйству, наводила порядок в доме. Ругала – считала, что воспитывает детей.

А Маша была и не против. Лишь бы не пила.

Сейчас она уже была практически взрослой, да и Лёньке уже шёл десятый год. Все понимал. Сестру жалел...

Хрустнули ветки. По тропинке к озеру кто-то шёл. Лёнька с алюминиевым бидоном и свертком топал к берегу. Он деловито вынырнул между соснами и уселся на склон, распиная шишки.

– Я молока тебе с хлебом принес, ты ж не ела сегодня, и вот ещё, – он достал пакет с конфетами.

Маша слезла с лодки и присела рядом с братом. Разломил хлеб напополам. Глядя на воду, молча они ели хлеб, прихлебывая по очереди из бидона.

А когда дожевали и приступили к конфетам, Маша, наконец, спросила:

– Ну, че там?

– А! – Лёнька махнул рукой.

Понятно было обоим без слов – гулянье затягивается.

Над озером заалело небо. Вечерняя тени сгущались у берега, а когда закатный багрянец утонул за горизонтом, резко спустились сумерки.

– Уезжай, Маха. Уезжай, как хотела.

– А ты как же?

– А я потом тоже уеду. Вот денег раздобуду...

– Где это ты раздобудешь! Смотри у меня! Воровать не вздумай!

Лёнька потупил глаза, сжал зубы.

– А я и не ворую!

Маша посмотрела на брата. Лицо уже загорелое, волосы выгорели и спускались на лоб. "Постричь его надо", – подумала Маша.

Она хотела уехать. Даже денег отложила. Когда работали они на ферме, помогали на дойке, им неожиданно заплатили. И Маша набралась смелости, попросила Пал Сергеича – поработать еще.

И все получилось, он дважды её на замену доярок брал. Вот только матери о том, что она заработала, Маша не говорила. А Палыч сам догадался, что не следует болтать, и тоже матери ничего не сказал.

Бесшумно роились комары и мошки. Уходить не хотелось все равно. Но надо было идти, становилось свежо, зашевелились летучие мыши.

– Может костер? – предложил Лёнька.

– Нет! Домой пошли. Не век же они гулять будут. Чай угомонятся скоро.

И дети направились на чердак.

Костер жечь они сюда вскоре ещё придут и просидят тут до утра, прощаясь.

Скоро Маша получит документы восьмилетки, а Витёк практически поселится у них в доме.

И в июне явится с работы середь бела дня, когда мать в магазине, закроет тяжёлый засов двери. Но сделать ничего не сможет – Маша, не дождавшись, когда он приблизится, стулом разобьёт окно и выскочит на улицу.

– Ты дура, девка, что ли? Дура, – будет кричать он ей вслед, оглядывая вдребезги разбитое окно и выломанную раму.

Она убежит к бабе Ане, родственнице по отцу. Туда же примчится вскоре и Лёнька. Потом и мать. Будет разговор, но мать никак не захочет поверить дочери, вернее, будет сомневаться: верить или нет?

Эти сомнения перетекут в очередную пьянку, а Лёнька с Машей будут сидеть на своем любимом озере и жечь костер.

– Вот, держи, – Лёнька что-то протягивал.

В отблесках костра Маша разглядела деньги.

– Откуда у тебя такие деньжищи?

– Ты не думай, это не воровство, – Лёнька почти кричал, – Они все равно пропьют!

– Откуда? Я спрашиваю, – Маша умела быть грозной.

– У этого из кармана выпали, я и взял.

– У кого?

– У залетного, у командировочного, как его ... у Сашеньки, – Лёнька сказал это, кривляя мать.

– Надо вернуть!

– Кому? Маха, – Лёнька распереживался, вскочил и бегал у костра, – Маха, вот ты наивная. Ты чего? С ума сошла! Это давно уж. Он не заметил даже. Решил, что пропили они. Так и сказал: "Ого, я все деньги пропил!" И давно ведь, уехал же он.

Маша понимала, что, как ни крути, но деньги Лёнька украл. Но, в конце концов, разве не тем же занималась она, подавая пример брату, воруя и пряча продукты на чердаке. Они так с братом намучились от этих пьяниц, что ...

– Да не носись ты, сядь, успокойся.

Лёнька сел, Маша ещё подумала, глядя на свёрток денег.

– Лень, спасибо. Но обещай мне, что больше воровать не будешь!

– Не буду, – выдохнул тот.

– А я, как устроюсь. Ну, если устроюсь. Я присылать тебе денег буду. Мне бы только устроиться.

– Так ты на стройку?

– Ага! Хочу на стройку, в Ярик. Мне Лариса говорила, что там и общагу дают, и деньги платят хорошие. Вот только бы взяли... А на билеты я заработала, и баба Аня чуток дала. А матери я ничего говорить не буду – не отпустит, орать будет.

Она ж уже меня тоже в магазин пристроить собралась. Да и вот ещё деньги..., – она показала на Ленькин подарок.

На следующий день она выехала. В клетчатую сумку положила чистое бельё, одежду, шерстяные носки, связанные бабушкой, мыло, зубную щётку. Взяла бабушкин же тёплый платок и старую икону Богоматери. Бабушка велела её беречь.

Быстро вышла за село и пошла по грунтовке до ближайшей Артёмовки. Сейчас главное, не думать ни о чем, не оглядываться, не раскисать и не вспоминать Леньку.

В Артёмовске ходил рейсовый автобус. Два часа слонялась она возле клуба в Артёмовске, дожидаясь автобуса.

Проходившие мимо люди часто здоровались, и вовсе не потому, что и артёмовские её знали, просто так тут положено было.

Но вот встретила и отдаленно знакомую, мать девочки из их села:

– Поступать что ли?

– Ага, поступать.

В Сахарове на станции купила она билет на ближайший поезд до Ярославля. Отправлялся он через три часа. Маша слонялась по пустынному перрону.

На вокзале было много народу. То и дело пребывали и отправлялись разные поезда. На перроне было ветрено. Маша продрогла в своей вроде тёплой шерстяной кофте и, отворив тяжёлую дверь, вошла в зал ожидания.

Зал ожидания гудел и шевелился. Женщины и мужчины с сумками и чемоданами заполняли его.

В нос ударил запах табака и ещё сладких пончиков. У буфета парни в рабочих куртках перекусывали. Хотелось есть, но теперь Маша понимала: ей придется терпеть ещё долго – денег не хватит, если ещё и есть в буфетах. В сумке у неё был батон, яблоки и бутылка кефира. Доедет.

Что сейчас там дома? Маша посмотрела на вокзальные часы. Нет. Ещё все хорошо. Мать ещё не закрыла магазин и ее не хватилась. Да и придя, хватиться не сразу. Лёнька чего-нибудь наврет, придумает.

И вот, наконец, объявили поезд. Казалось, все ждали именно его. Маша оказалась в толпе спешащих.

А когда суeta посадки улеглась и она расположилась на своей боковушке, вдруг почувствовала большое облегчение. Страх, что она не сможет, что ее кто-то вернёт ушёл. Она свободна и всё у нее получится!

Жаль вот только, поезд в Ярославль придет ночью и до утра придется ждать на вокзале. Но ... Того, кто ночевал в лесу у костра или на чердаке, разве испугаешь вокзалом?

В поезде она не смогла отказать приставучей продавщице и таки-купила журнал. Хотелось уже показаться себе самой этакой платежеспособной и самостоятельной.

– В Ярославль едете? – интересовался любопытный интеллигентного вида сосед – старичок.

– Да, в Ярославль.

– Поступить на обучение, наверное?

– Да...

– И позвольте узнать, милая сударыня, куда же? Какое направление выбрали?

– Не знаю пока, – Маше как-то стыдно стало врать.

– Это как это? Уже едете, а ещё не знаете! – старик помотал головой, – Выбирайте, милочка, медицинский. Самое верное направление.

Маша соглашалась. Выбирать направление? Да если б она могла!

Она забралась на верхнюю полку и под стуки колес размечталась. Она была обычной девушкой, склонной к романтизму.

Вот, если б она ехала учиться, то непременно бы на модельера. Так она любила их школьное швейное дело. Вот если б была у неё швейная машинка, то шила бы она себе великолепные платья.

Моделировать, рисовать наряды она любила очень. И делала это очень хорошо, одноклассницы восхищались. И этой весной Лилька из её класса даже заказала платье по её эскизу.

Маша так его и не увидела. Так жаль. С классом торжественно отмечать окончание восьмого класса она не пошла. Не до этого тогда было. Мать пила с этим Витьком, и Маша уже собиралась уезжать.

Прошлым летом недалеко от их села строили новые со-

временные коровники. Там и познакомилась она с бойкой Ларисой – маляром. Вот та ей и рассказала, что сейчас в Ярославле очень требуются строители.

– И чего вы в этой деревне сохнете? Молодые, здоровые! В Ярике легко устроишься, и общежитие дадут. Не сиди ты в этой дыре, уезжай! Там высотки строятся, и конца, и края стройкам не видно...

Говорила она об этом часто. Маша идеей загорелась, выспрашивала об условиях, интересовалась. Из дома хотелось убежать, вот только Лёнька...

За окном мелькали высоченные сосны и ели, мечты убаюкивали.

– А Вы разве не будете ужинать? Спускайтесь, чайку попьем.

По вагону разносился запах копчёной курицы. Старичок внизу тоже разложил снесь.

Прошлым летом недалеко от их села строили новые современные коровники. Там и познакомилась она с бойкой Ларисой – маляром. Вот та ей и рассказала, что сейчас в Ярославле очень требуются строители.

– И чего вы в этой деревне сохнете? Молодые, здоровые! В Ярике легко устроишься, и общежитие дадут. Не сиди ты в этой дыре, уезжай! Там высотки строятся, и конца, и края стройкам не видно...

Говорила она об этом часто. Маша идеей загорелась, выспрашивала об условиях, интересовалась. Из дома хотелось

убежать, вот только Лёнька...

За окном мелькали высоченные сосны и ели, мечты убавлялись.

– А Вы разве не будете ужинать? Спускайтесь, чайку попьем.

– Нет, спасибо, я не буду, я спать хочу, – Маша лежала, отвернувшись, но запахам это не мешало. Они проникали в ноздри, будоражили аппетит и сводили живот.

Но только, когда все уснули, Маша вытащила свой начатый батон и кефир прямо там, на верхней полке. Съела полбатона и допила весь кефир. И только потом задремала. Ей снился Лёнька...

Вот он в форменной фуражке железнодорожника смотрит на нее из-под лакированного козырька, достает из кожаного чехла свёрнутый в трубку жёлтый флажок и взмахивает им:

– Маха, ты приехала, просыпайся.

Она вздрогнула и проснулась. По вагону бродили люди.

– Аа! Проснулись, а я уж думал будить! В то и учебу свою проспите, – улыбался старичок-сосед.

Ярославль встретил такими яркими ночными огнями и вокзальной суетой, что казалось вовсе это и не ночь. Однако, на часах было половина четвертого, и в неровных квадратах неба смутно желтел бледный месяц. Маша подхватила свой клетчатый баул, поправила ремешок маленькой сумочки через плечо и пошла искать зал ожидания.

Ещё бы узнать, как доехать до этой стройки высотных до-

мов?

На площади к ней подскочил юркий мужичок.

– Девушка, а Вам куда?

– Мне? – Маша как раз думала о том, как добраться на стройку, – Мне на стройку надо.

– На какую?

– На стройку высоток. Не знаете где это?

– Знаю. Я вообще все тут знаю. Вам на Северный надо, наверное. Да?

– Наверное.

– Я довезу. Пойдёмте.

– Извините, но я лучше на автобусе.

– Да, девушка, с сумкой? Это же далеко. И я недорого возьму..., – но Маша уходила. Нет, на такси она ещё не заработала точно.

Она устроилась на вокзале. Словоохотливая соседка, которая с упитанной внучкой ждала поезда, рассказала ей, как добраться до Северного. Маша решила – ей надо именно туда. И как только первые автобусы пошли, Маша была на остановке.

Ехать надо было с пересадкой. Дважды платить!

Маша с классом однажды была в Ярославле. Они классе в шестом выиграли какой-то школьный районный конкурс и их направили сюда. Но тогда он ей представился вполне себе уютным и понятным.

А теперь...

Что изменилось? Наверное, там она была не одна, там была защита в виде двух учителей, везущих детей, были друзья. А теперь она чувствовала себя соринкой в этом огромном растущем городе. Тут все были на месте, и только она пока – лишняя. Вот сейчас ей стало страшно.

А если Лариса обманула?

Маша, как и все в тот период, ещё не могли знать, что наступили те самые лихие 90-е. Это мы, с высоты дней сегодняшних, можем уже судить о тех годах, называть их бандитскими и голодными, годами дележа и беззакония, годами хаосного рынка и беспомощности властей. Годами, когда все социалистическое превращалось в капиталистическое, и мало кто, что-то понимал в этом разделении.

Именно в этот период юная совсем девочка и оказалась здесь.

В районе семи часов утра Маша вышла на нужной, как ей казалось, остановке. Накрапывал противный мелкий дождик. И совсем не казалось, что он – к добру.

Вдали маячили неоконченные высотки, вышки кранов. Виднелись лишь их верхушки, все остальное скрывали фасады домов и зелень.

Маша двинулась просто по направлению к стройке ...

Она крутила по улицам, таща свою клетчатую сумку, стараясь приблизиться к строящимся высоткам.

Вот она повернула к арке. Но никакой арки тут не оказалось. Вернее, она была, но войти в нее было невозмож-

но: вход загораживала стальная решетка, калитка рядом тоже была заперта.

Маша пошла искать обходные пути и опять прошла значительное расстояние. Она промокла уже насквозь, да и сумка, казалось, тяжелела.

Наконец, она подошла к железному ограждению стройки. Ворота и калитка были закрыты, и никого рядом не оказалось. Она устала. Под ногами хлюпала глина. Очень хотелось есть. Маша пожалела, что не купила на вокзале хотя бы булку.

Она поискала укрытие, но здесь не было ни деревьев, ни крыш – очищенное для стройки пространство с длинным забором в обе стороны. А далеко уходить не хотелось. Маша устало опустила на сумку возле ворот.

Ну что ж, значит рабочий день у строителей ещё не начался, надо ждать.

Она достала и дожевала горбушку батона, съела последнее яблоко.

Через полчаса, окончательно промокнув, она все же отправилась к небольшому вагончику, стоящему вдали от забора, там хотя бы было крыльцо и можно было спрятаться от дождя.

На всякий случай постучала – в вагончике никто не отозвался. Она осталась на крыльце.

Ни одной живой души на этой стройке так и не появилось. И вдруг вдали, на дальней стройке Маша заметила движение

– работал кран.

И она направилась по забору, но он уводил её далеко в сторону и никак не приближал к тем домам, где шла стройка. Она уже чуть не плакала. Наплечная сумка била по ногам, клетчатый баул выматывал.

В конце-концов забор упёрся в глубокий карьер, и Маша поплелась обратно. Она опять прошла мимо этого вагончика, и вот теперь забор повернул.

Наконец, она нашла открытые ворота и попала на территорию стройки. Здесь она ещё долго брела до движимой территории, и вот, наконец, ей навстречу из-за угла вышел рабочий.

– Здравствуйте! – облегчённо поздоровалась Маша и бросила сумку.

– Здравствуйте, а Вы что тут?

– А я вот на работу к вам. Я все умею, а чего не умею, так я быстро учусь. Я вот и штукатурить научилась быстро, и красить могу...

– Что? Кто вас послал? – мужчина растерянно смотрел на её большую сумку.

– Меня Лариса послала. Она тут у вас работала раньше, не знаете ее?

– Из СМУ что ли, или из проектного?

– Наверное, – Маша погрустнела, – Я не знаю.

Мужчина посмотрел на девушку с жалостью: странная, мокрая, с сумкой припёрлась.

– Так это вам в СМУ надо. Оно у нас на проспекте Октября. Вы же работу ищите? Так вам туда.

– А где это?

– Нет, на стройку. Вы не смотрите, что я без образования специального, я все умею: и красить, и... – Маша доставала паспорт и аттестат из наплечной сумки.

– А! – перебила её женщина, – Так это Вам в кадры, к Надежде Петровне, но её сегодня уже не будет. Завтра приходите.

– Как, завтра! А сегодня нельзя?

– Нет её, говорю же Вам. Да и, насколько мне известно, нет сейчас вакантна у нас. Наоборот, сокращение ... время, знаете ли, не то... Но может я и ошибаюсь, я – не кадровик. Приходите завтра.

Сказано это было жёстко, и Маше ничего не оставалось, как выйти, не солоно хлебавши. Она вышла из здания, огляделась, засунула паспорт и аттестат в карман.

Здесь она знала одно место, где можно было переночевать – это был вокзал. Она побрела на остановку, оказалось, надо перейти на другую сторону трассы. За рукав её поймал парень – она пошла на красный.

– Девушка, с Вами все в порядке?

– Да! Спасибо.

Так. Надо взять себя в руки. Ничего страшного не случилось. Надо просто отдохнуть и поесть, а завтра все решится, завтра она обязательно устроится.

Вон какие у них комплексы строятся, сколько там народу нужно. Ведь не может быть, что для неё ни одного самого маленького местечка не найдется!

Оказалось, она совсем и недалеко от железнодорожного вокзала.

Она зашла в знакомый уже зал ожидания. Умылась в туалете, купила себе в буфете чай и два пирожка, быстро проглотила их, немного согрелась, потом нашла себе место на сиденьях и приготовилась к долгому ожиданию.

Бабушкина шаль грела, она достала и надела ещё и носки, вязанные бабушкой, мысленно поблагодарила ее. А когда начала дремать, намотала себе ремешок сумки на предплечье и засунула под себя. Потом она очень быстро отключилась. Маша устала.

Снился Лёнька – он ругал её за что-то. Проснулась резко, как от толчка. Осмотрелась. Клетчатая сумка стояла рядом, а вот её маленькой кожаной сумочки не было, лишь ремешок с ровно обрезанными краями болтался, намотанный на руку. А там были все деньги.

Воры и аферисты тех лет изощрались как могли. Кто-то переквалифицировался в наперсточников и картежников, появились примитивные электронные игры и развод населения разными способами. Но простых воришек, ловко срезающих сумки, тоже хватало.

Маша подошла к милиционеру, дежурившему тут.

Когда они ездили с классом, им прочитали лекцию о том,

что нужно делать в критических ситуациях – конечно обращаться в милицию.

Дежурный ел бутерброд.

– Здравствуйте! А у меня, кажется, сумочку украли.

– Так кажется или украли?– она явно мешала приему пищи.

– Украли, наверное. Понимаете, я уснула, а потом обнаружила...

– Ваш билет, девушка...

– Ой, а он тоже остался в сумке, я ночью приехала.

– А почему тут спали, если ночью приехали?

– Понимаете, я на работу устраиваюсь...

Маша сбивчиво рассказывала свою историю.

– Нарушаете, гражданочка! На вокзале можно находиться только в ожидании поезда или сразу после его прибытия. Нарушаете! Я Вас и оштрафовать могу.

Маша испугалась, а потом подумала – а как штрафовать-то её. Ведь денег у нее нет. И стало даже легче. Она поняла – этот не поможет.

И такое вдруг зло ее взяло!

– Сначала сумку мою верните, чтоб оштрафовать!

Милиционер чем-то грозил, но Маша не слушала. Она подхватила баул и вышла на улицу. Нужно было остыть, придти в себя.

Город жил вечерней жизнью. Бегали дети пассажиров, люди обнимали приезжающих, ловили такси, уезжали.

Какими бы ни были те годы, но для многих они были временем перемен, временем ожиданий самого лучшего. Да, жизнь преподносила сюрпризы, но это время было единственным, для людей, живущих в нем, а человек всегда ищет в своем времени крупинцы для счастья.

Но может можно будет попросить небольшой аванс в СМУ? Объяснить, что обокрали. Должны ж они понять.

А до СМУ утром она и пешком дойдет, здесь не так уж и далеко. Только б взяли!

Ботинки помыла в луже.

В зал ожидания она вернулась крадучись, но дежуривший даже не смотрел в ее сторону. Она прошла на второй этаж, уселась там и приготовилась пережить ночь. Вскоре она опять уснула.

– Эй, девица, просыпайся! Проверка документов! А! Старая знакомая!

Над ней стояли два мента. Один – тот самый.

– Я ж сказал тебе, что тут ночевать нельзя! Ты чего, не поняла! Хочешь неприятностей?

Маша со сна ещё туго соображала.

– Нет, не хочу.

– Документы покажи, или украли?

Маша достала паспорт.

– А билета нет? Нет. Тогда, пошла прочь отсюда!

– А вы сумку мою не нашли? – осмелела Маша.

– Какую сумку! Неприятностей хочешь? Марш, я сказал!

– он был явно не в духе.

Маша, протирая глаза, отправилась на улицу. Посмотрела на часы – было половина пятого утра. Попить бы чаю... И тут она вспомнила, что у нее совсем нет денег.

Она обошла вокзал, нашла укромное место под навесом сбоку от станции и присела там на сумку, скрючившись. Ночь была тихой, безветренной. Идти в СМУ было ещё рано, светало.

Так просидела она около часа. Размышляла. Надо было найти выход. Вот можно что-нибудь продать. Мать бы так и сделала. В сумке были вполне приличные вещи, например, почти и неношенные кроссовки. А ещё пара кофточек.

Но где тут продавать?

Вдруг она услышала возню и какие-то крики за спиной.

– За что они тебя? – интересовалась Маша.

– А! Так..., – он слегка отмахнулся, потрогал окровавленную губу, говорить ему было больно, – Сволочи, – сказал он это совсем не со злостью, просто сказал, констатируя.

– Что тут у вас происходит: воруют, бьют.... Ах! Моя сумка!

Маша помчалась к тому месту, где оставила баул. Он был на месте, так одиноко и стоял под навесом. Маша облегчённо вздохнула, подхватила его и направилась к пацану. Мальчишка уже поднялся на ноги и отряхивал одежду.

– Ты нормально? До дома сам доберешься?

– Ага! Нормально. Я привыкаю, кажется. Меня уже вто-

рой раз бьют. В тот раз хуже было, а сейчас как-то сгруппировался ... Учусь, – он потирал бедро, – И тебе спасибо! Смелая ты...

– Так за что они тебя? Может скажешь?

– За дело. Я у них работу отбираю. Да, – он махнул рукой, – Долго объяснять. А ты куда едешь? – он посмотрел на спасительницу, под глазом у него растекался синяк.

– Я?

– Ну, не я же...

– Я, наоборот, приехала. Приехала тоже работать сюда. Думала... В общем, долго объяснять. И у меня вот сумку украли, а там все деньги были. А милиция с вокзала гонит, вот и вышла, а тут вижу ... Это ж надо – трое на одного.

Они помолчали. Говорить было не о чем.

– Ну ладно, пока! – пацан прощался.

Он, слегка прихрамывая, пошёл между киосками, оклеенными объявлениями. Потом оглянулся.

– Спасибо. Деньги у меня – эти забрали, но если совсем туго будет, приходи, дома есть немного. Я недалеко здесь живу, на Которосли. Меня Андрюха звать.

– Маша...

И он назвал свой адрес. Теперь Маше показалось, что он постарше будет двенадцати, просто мелкий.

Она вернулась ко входу в вокзал. С протянутой рукой у порога вокзала сидел нищий.

Город просыпался. Открывались торговые точки, мелька-

ли и совсем старые автомобили, и непозволительно дорогие для рядового обывателя иномарки. Люди спешили по своим делам.

Ярославль жил своей городской жизнью. В магазинах выстраивались очереди, шумела автотрасса, из окон машин звучал Чиж и БГ. Если б этот город принял ее, она смогла бы его полюбить.

Маше стало жарко, она остановилась возле железной двери, обвешанной табличками "Куплю ваучер", сняла носки и платок.

К СМУ она пришла рано. Уселась поодаль на сумку. Надо было ждать.

Маша, конечно, не могла знать, что для градостроителей, архитекторов тогда начались тяжелые времена, не было работы. Строились хорошо только коттеджи и банки. Начатые новостройки заморозились от нехватки средств, от общего кризиса экономики.

Впрочем, эти тяжёлые времена наступили не только для них. Дензнаки менялись с такой скоростью, что никто уже не мог остановить этот процесс. Безработица коснулась уже многих.

Но Маша надеялась, сидя у терпящей крах организации. Она привыкла верить людям. Несмотря на такую свою нелегкую жизнь в последние годы, душа её была светлой. Бабушка так учила – людям надо верить, они всегда помогут ...

– Здравствуйте, – Маша на этот раз оставила сумку в коридоре и, постучав, зашла все в ту же бухгалтерию, – Здравствуйте, Вы вчера мне сказали придти к Надежде Петровне. А какой у нее кабинет?

Бухгалтер ещё раздевалась, она вешала плащ на рожок вешалки. Маша смотрела на графин с водой – очень хотелось пить.

– Здравствуйте! Кабинет у неё дальше по коридору, последний налево, но её ещё нет. И она сегодня не рано будет, в военкомат сначала поедет. А Вам она зачем?

– Так я же на работу устраиваться к вам хочу. Вот ... Приехала специально.

– Откуда приехала?

– Из соседней области. Сказали – вам требуются вам рабочие. А я все могу, мы ремонтировали, вернее даже помогали на стройке у нас в селе...

– Девушка-а, и кто только Вам такое сказал!? – сказала работница нараспев, поправляя прическу у большого зеркала, – Какие рабочие! Нам самим бы продержаться. Сейчас кто сам поувольнялся, потому что денег не платят, кого уволили, потому что нечем платить, – она обернулась к Маше, – Заморозена большая часть строительства. Скажут тоже: требуются рабочие, – тётенька усмехнулась, – Возвращайтесь-ка домой, ничего Вы здесь не найдете!

– А я не могу домой, – тихо и растерянно сказала Маша, – У меня сумку на вокзале украли, а там все деньги...

– Ну уж! Начинается! – она отодвинула стул и села, как бы показывая, что разговаривать больше не хочет, – Не надо мне здесь Ваших историй! Идите себе! Своих историй предостаточно, я ж их никому не рассказываю! – тетка махнула на дверь.

Маша вышла. Она была ошарашена. перевела дыхание, огляделась. И тут ...

В коридоре не оказалось её сумки. Остановилось сердце. Украли! Она сделала несколько шагов по узкому коридору на шум в одном из кабинетов и тут увидела возле открытой двери внутри кабинета свою сумку.

Рядом два мужчины, один из них на стремянке.

– Это моя сумка! Вы что! – почти прокричала Маша.

– А! Да! Простите, мы ее убрали – мешала пронести лестницу.

Маша аж раскраснелась от страха. Сумка, и то, что в ней было, только и могло спасти.

– Да, верно сказали. Времена знаете ли, сложные.

Маша направилась к выходу, но очень закружилась голова, она уцепилась за косяк, наклонила голову. Ей было очень плохо. Сказывалась усталость, волнения, и, конечно, голод. Она задержалась.

И тут Машу окликнула бухгалтерша.

– Зайди- ка!

Маша вернулась к ней в кабинет, с надеждой глядя в глаза. А может ...

– Слушай. Ты говоришь – деньги украли. А не хочешь сережки свои продать. Они же золотые? Я б купила. Ну, недорого если возьмёшь.

Мария разозлилась. Она ждала, что ей не это предложат. Испуг за баул ещё не отпустил. И вообще, эта тетка теперь символизировала у неё всё самое плохое, что встретило её в Ярославле. Казалось, и в краже наплечной сумочки виновата именно она. И в том, что у нее на столе стоит вода, а Маша так хочет пить, а попросить стесняется. Да и серьги – память от бабушки, это она подарила.

Как же! Ждите!

– Не продам! – жёстко сказала она, – По крайней мере, точно – не Вам! – и она вышла, хлопнув дверью.

Она зашагала из этого учреждения, остановилась на улице, быстро сняла серьги и убрала их в обложку паспорта. На улице дышалось легче, приступ головокружения отпустил.

Маша ещё долго шла по направлению к вокзалу в растрёпанных, несобранных воедино чувствах, пока не остановилась возле большого низкого окна, выходящего на тротуар.

Это было высокое серое холодное здание. За окнами был швейный цех. Даже здесь на улице слышался мерный гул швейных машинок.

Но Маша остановилась не поэтому. Она увидела как женщина, вероятно закройщица, режет огромным механическим ножом неимоверно толстые слои ткани. Они, как пышный слоёный пирог плотно сложенные лежали на столе, а их

виртуозно и фигурно вырезал по линиям, ведомый женщиной, тонкий раскройный резак.

Маша так засмотрелась, что раскрыла рот. Внутри её заметили и уже переговаривались. Раскройщица смотрела на неё и улыбалась.

Маша заметила, что на нее смотрят, улыбнулась тоже, показала большой палец – нравится, и направилась дальше, к вокзалу. Вот такого она никогда не видела. Это ж сколько вещей одним махом они кроят! Удивительно.

На некоторое время Маша забыла и о своем нелёгком положении, так её увлек этот процесс.

Как много здесь, в этом городе, людей хороших. Если б они знали, как нужна ей сейчас работа, как нужна помощь!

Город наполненный прекрасными людьми не мог никак помочь девушке. Просто никто не знал ее, а в последнее время, во время лохотронное и нестабильное, надо было быть настороже. Уж очень много обманутых людей было вокруг, люди стали осторожнее в проявлении доброты. Они спрятали её за личиной равнодушия – это веяние того времени, так было надёжнее.

И Маше самой надо было принимать решение. А что тут можно предпринять? Ничего. Не получилось устроиться на стройку, значит путь один – возвращаться домой. Идти к матери в магазин, терпеть её компании, смотреть на её пьяную. Опять прятаться на чердаке или сидеть на озере.

Баба Аня уезжала к дочери – состарилась совсем. Теперь

и у нее не переночуешь. Но тут оставаться было невозможно. Нет жилья, нет работы.

Вернётся домой, ещё и без денег, но стыдно будет только перед Ленькой. Перед мамкой не стыдно совсем. Поорет – поорет, да и кончит. Орать – это её любимое дело. Они с Ленькой давно привыкли.

Маша подходила к вокзалу. Очень сильно хотелось пить. Может надо было все же продать сережки тётке? Хотя бы на билет денег хватило. Но от этой мысли ей сделалось плохо. Нет, этой ... ни за что!

Но продать что-то придется. Вот только где? Не на вокзале же. Надо найти рынок, там и можно будет продать кроссовки, кофточки, ну, а на крайний случай есть ещё и сережки. Вот только расставаться с ними не хотелось.

Маша спросила о ближайшем рынке прохожего мужчину: – Ох, девушка, да у нас теперь везде сплошной рынок, куда ни глянь. Смотрите, – и он взмахнул рукой, показывая на улицу.

И действительно, улица была заставлена торговыми палатками. Торговцы газетами, табачные ларьки, палатки с азартными играми встречались на каждом шагу. Около магазинов толпились очереди, а на улице стояли вешалки с одеждой. Люди примеряли их тут же, стоя на картонках, прячась за ширмы или, вообще, прикрываемые чем-нибудь подручным самими продавцами.

Маша решила – предложила свои кроссовки в одном из

ларьков, торгующем всем подряд. Но ее и слушать не стали, кроссовки ношенные, а кофточки им не нужны – свои б продать.

И Маше ничего не оставалось, как продолжить расспрашивать о ближайшем рынке. Она стеснялась предлагать свои вещи торговцам на улице.

Ей подсказывали. Идти пришлось довольно долго. Марии все время казалось, что она вот-вот придет, она переспрашивала и ее направляли всё дальше.

И вот, наконец, она пришла на рынок. Он как-то вырос из торговых улиц. Показались груды ящиков, выносные столы для торговли, а-ля бутики, склады с наваленными вещами, и бесконечные ряды торговавших.

Толпы народа толкались здесь, а продавцы, казалось, жили.

«Да здравствует рабочий класс — ведущая сила нашего общества!» – прочла она на большом плакате.

Довольно быстро нашла Маша место блошиного рынка. Торговля с земли – пейзаж того времени.

Скромно пристроилась сбоку, достала большое полотенце, расстелила его прямо на земле, как делали и другие, и аккуратно разложила свой товар: пару лёгких кофточек, свитерок-водолазку, новые носки, кроссовки. Потом подумала и положила туда же книгу, которую брала в дорогу – Маргарет Митчелл "Унесённые ветром". Было очень жаль – не дочитала.

Об этой книге она так долго мечтала, и вот однажды выпросила её у матери, когда та была особенно доброй – в преддверии очередной гулянки.

Когда Маша копалась в сумке, наткнулась на бабушкину икону, завернутую в полотенце. "Господи, помоги" – вспомнила бабушкины слова. Сережки, конечно, не выкладывала.

Ей бы только на билет денег раздобыть, совсем немного. Ну, может ещё и на булку.

На раскладном стуле напротив сидела торговавшая вязаными вещами пожилая женщина. Она пила минералку из бутылки. Маша облизала пересохшие губы и опять почувствовала головокружение. Она села на сумку.

Сначала она заискивающе присматривалась к покупателям. Но их глаза скользили мимо её товаров. Потом Маша устала за этим следить и просто сидела. Пришёл страх: неужели никто ничего так и не купит?

Так просидела она довольно долго. Наконец нашлась бойкая девица – покупательница, которой приглянулась её кофточка.

Маша никогда не была худой. "Ширококостная" – называла её бабушка. Но девица была просто пышка. Но Маша не стала спорить, позволила примерить, старательно закрывала её полотенцем. Кофта трещала по швам. Девица удивлялась – мала. Не взяла.

Больше пока желающих что-то купить не находилось.

Маша не заметила, как по рядам торговцев прошел шу-

мок, как начали они что-то менять, прятать со своих импровизированных прилавков. Она просто увидела двух заинтересованных парней, почти качков, в похожих спортивных костюмах, подошедших к ней.

– Чем торгуем?

Один взял в руки книгу, начал листать. Маша встала.

– Хорошая книга, берите! – пыталась она торговать, как опытный продавец, но тут же добавляла, как совсем неопытный, – Правда, она больше для женщин. Но может девушке своей возьмёте.

– Хэ! Понял, Ген, девушке...Хэ! Унесённые ветром. Это про дистрофиков что ли?

– А что там в сумке у тебя, ещё товар? Припрятала, да? Успела?

Маша не успела оглянуться, как один из них открыл ее сумку и начал вынимать вещи, кладя их прямо на землю.

– Эй! Вы что творите? – она была возмущена.

Парень остановился, посмотрел на неё, и спокойно, но как-то глухо и зло, сказал:

– Плати давай за место! Для первого раза по-минимуму.

– В каком смысле, плати? – Маша оглядывалась, ища поддержки у окружающих, но все вокруг прятали глаза.

– Ты с луны что ли? Пришла на рынок – плати!

– Но у меня нет денег. Я, собственно, поэтому и пришла... Я не знала ...

И действительно, откуда было знать простой провинци-

альной девчонке о том, что существует и процветает в этом городе, впрочем как и в других российских городах в те годы, жестокий криминальный мир. Откуда ей было знать, что все сферы влияния и обогащения в нем распределены?

Эти преступные группировки возглавляли бизнесмены и депутаты, спортсмены и администраторы. Они, в попытке подражать "старшим" московским кумирам, изображали законодателей порядка и благородства, но на деле творили грязные и кровавые дела.

Не сами, конечно, не лично. А руками таких вот шестёрок, второсортных, мелких и самых-самых мелких. Но эти "мелкие" чувствовали себя хозяевами жизни, законодателями правил. Ведь над головой была такая крыша – "благороднейшие" уважаемые криминальные авторитеты. Можно творить все, что хочется, ну, или почти все. Главное – приносить доход.

– Нет денег, посмотрим, что есть в сумке.

Бандит опять полез в сумку. Маша рванула к нему, но другой поймал ее за руку.

– Пустите, да пустите меня!

Парни явно были спортсмены. Держащий не дёргался с места, но руку держал так крепко – до боли.

– Да что Вы делаете!?– она кричала.

Народ не безмолвствовал. Кто-то подал все же голос:

– Что за безобразие!

– Отпустите девушку!

– Что ж это творится такое? Где милиция?

Лазаящий в сумке бросил ее и направился к громче всех защищающей Машу, кричащей старушке:

– Сейчас ты бабка своим товаром за неё заплатишь, хочешь, – и он пнул её самодельный прилавок. Товар разлетелся по дорожке.

Она испуганно замолчала, начала собирать товар. Примолкли и другие. Народ обходил происходящее стороной.

Бандит достал и развернул икону.

– Опа! Да она – торговка иконами! – он разглядывал икону со всех сторон, – Старинная.

– А ну, положи её на место! – Маша начала вырываться из всех сил на – Не трогай, я сказала!

Тот, кто ее держал, не пускал, но она чуть не вырвалась. Билась у него в руках. Парню пришлось обхватить её обеими руками и прижать к себе. Бугаю это было несложно. Его это даже развлекало:

– Тихо-тихо, тихо-тихо...Тихо, да тихо ты! Ай! – Маша вцепилась зубами в его ухо, когда он наклонился, – Ай!

Она это умела. Научилась. Пришлось.

Он схватился за ухо и отпустил. Маша подбежала ко второму и выхватила икону, прижала её к себе и отвернулась от них.

... Примерно также прячутся маленькие дети. Они закрывают глаза ручками и считают, что спрятались.

Но бандиты – не любящие родители.

– Она мне ухо прокусила, с-ка. Берём её!

Один схватил Машу за предплечья и потряхнул так, что она ударилась головой об его грудь, казалось на секунду потеряла сознание и выпустила икону, второй побросал все её вещи в баул.

Машу куда-то повели ...

Кто-то звал милицию, но вяло. Люди вмешивались лишь поверхностно, бросаться на выручку девчонки боялись. В конце-концов сама виновата: нашла с кем лезть в драку.

Маше после этого удара уже было всё равно. Мощные руки её схватили за предплечья так жестоко, что казалось – вдави, и она уйдет под землю.

Один из парней шел впереди и нёс её сумку, второй вел её. Она уже не смотрела по сторонам, а смотрела себе под ноги. Помощи просить уже не было сил, и, почему-то, желания. Стало вдруг все равно, что будет с ней, и совсем без разницы – куда её ведут.

– А девка-то, ниче себе, – оглянувшись, сказал первый бугай.

Они шли по рынку, но видимо, не по центру, а где-то по его окраине.

Прошли ещё сотню метров, как вдруг, первый парень остановился, а за ним и второй. Маша продолжала смотреть себе под ноги.

Деться ей было некуда – её крепко держали. Предплечья были сдавлены, как клещами.

Но вот она, наконец, подняла глаза и увидела, что перед бандитом, несущим ее сумку, стоит тот парнишка ... с вокзала. Она никак не могла сейчас вспомнить, в тумане всего произошедшего, как его звали. Его губа рассечена, под глазом растекся фингал.

Он о чем-то говорил с верзилой и что-то ему передавал.

"Он что, тоже с ними?" – мелькнуло у Маши в голове. Бандиты о чем-то переговорили между собой. И вдруг клещи разомкнулись, и эта пара растворилась. Перед ней стоял парнишка.

"Андрей", – вспомнила Маша.

– Ты как тут оказалась? – как-то резко и грубо спросил он.

– Я ... – она выдохнула, ещё только осознавая, что она свободна.

Андрей увидел: у девушки расплывался взгляд, такое ощущение, что она выпала из реальности. Он понял, что сейчас она ничего не расскажет – не то состояние.

Они вошли в глубь рынка, двигались между лотками. Здесь толпа сгустилась. Андрей шёл бойко и ловко, маневрирую между покупателями, Маша теряла его из виду. Рынок был наводнён такими же клетчатými сумками, а Андрей был мал ростом.

Но он поджидал её. Ловил взглядом, молча звал дальше. Казалось, они прошли полрынка. Маше опять было абсолютно все равно – куда. Хотелось сесть здесь же на какой-нибудь мешок и умереть. Состояние шока не отпускало. Но она шла.

Они завернули в ряды, торговавшие какими-то семянами, кормом для скота. Но тут же напротив стояли и лотки с тряпьем. Маша не заметила, как Андрей юркнул за один из них, чуть не прошла дальше.

– Эй! – он окликнул.

Она вернулась. Андрей зашёл в лоток, где торговала женщина, лет за шестьдесят. На прилавке у неё были разложены трикотажные изделия: майки, трусы, панталоны, трико... Но сейчас Маша на это не обратила внимание, она просто стояла, привалившись к столбу торгового лотка.

Андрей поставил ее сумку в угол.

– Ба, эта девушка у нас сегодня переночует.

Он нашел в стороне какой-то ящик, поставил его там же – за прилавком, и велел Маше сесть. Она, как прилежная школьница, скромно зашла внутрь и села, положив руки на колени. Не здоровалась.

Андреева "ба" смотрела на девочку. Оглядывались и наблюдали это и соседние торговки.

– Ох, и навар у твоего внука сегодня, Николаевна, – пошутила одна.

Бабушку Андрея звали Вера Николаевна. Она знала: внук никогда не поступает спонтанно. Если он что-то предпринимает, то это всегда обдуманно. Даже, не по-возрасту обдуманно. А сейчас ... Но она понимала, значит и это тоже не просто так.

Он не страдал излишней жалостливостью, никогда не при-

носил несчастных котят домой, не подавал нищим. Иногда он мог быть и жестоким. А значит, это – особый случай.

На ящике сидела девушка. Немного потрёпанная, растерянная, с потрескавшимися и какими-то белыми губами. Она прямо держала спину, как будто не могла расслабиться, смотрела на мешки в углу, в одну точку.

Андрей наливал из термоса чай.

– Ой, он остыл совсем, Андрей, – хватилась Вера Николаевна.

– Будешь? – Андрей протянул девушке железную кружку.

Она увидела, протянула руки и выпила залпом. Андрей налил ещё. Она выпила ещё кружку.

– Перекусишь, – он разворачивал бутерброд.

Но девушка помотала головой. Есть отказалась.

– Её Маша зовут. Посидит здесь с тобой, ладно, баб? Я там доделаю и приду. Она с нами пойдёт.

– Конечно, иди. А где ты ее нашел-то?

– На вокзале, – оглянулся и уже крикнул уходящий внук.

– На каком вокзале? – удивилась Вера. Он же тут, на рынке работал...

– На главном, – и внук растворился в рыночной толпе.

Вера оглянулась на девушку. Сидя на ящике та клевала носом, засыпала.

– Ох, милочка! Ты так лоб расшибешь. Давай-ка, вот сюда поди.

Вера стащила свои сумки и мешки с трикотажем под при-

лавок, соорудила что-то типа топчана. Девушка с радостью перекочевала туда, свернулась калачом и сразу уснула. Вера закутала её своим пальто, ей сегодня было в нём жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.